

1) византийское крестьянство X в. в своей массе было феодальным крестьянством, независимо от того, платило ли оно ренту государству или сеньерам;

2) в XI—XII вв. значительная масса государственных крестьян переходит в руки светских и духовных феодалов, хотя государство и сохраняет право известного контроля за париками на частновладельческих землях;

3) положение византийских париков характеризуется двойственностью, присущей феодальному строю.

Доказательство этих положений является большой заслугой Г. Острогорского.

А. П. Каждан

DIGENES AKRITAS, ED. WITH AN INTRODUCTION, TRANSLATION AND COMMENTARY BY J. MAVROGORDATO.

Oxford, Clarendon Press, 1956. LXXXIV, 273 p.

Обширная литература, существующая вокруг эпоса о Дигенисе Акрите, пополнилась еще одной книгой. Автор ее, Дж. Маврогордато — бывший профессор греческого языка и литературы в Оксфордском университете. Его работа представляет собой наиболее значительную публикацию по «Дигенису» со времени выхода в свет известной книги А. Грегуара¹, т. е. за последние 14 лет. Если принять во внимание, что, несмотря на многочисленные изыскания ряда ученых, «Дигенис Акрит» по сей день ставит перед исследователем немало спорных вопросов (взять хотя бы датировку памятника), то вполне понятен интерес, с которым подойдет к труду Дж. Маврогордато всякий, кто занимается историей византийской литературы. В какой же мере оправдывает рецензируемая работа этот интерес?

Книга состоит из перевода «Дигениса Акрита» (Гротта-Ферратская версия, в дальнейшем — G-F), изданного вместе с параллельным греческим текстом и снабженного критическим аппаратом и комментариями. Переводу предпослано введение². В конце книги — приложения: генеалогия Дигениса, сводная таблица содержания всех версий памятника, библиография и перечень некоторых литературных реминисценций.

Введение (р. XI—LXXXIV) охватывает (правда не полностью, как мы увидим) основной круг вопросов, связанных с «Дигенисом Акритом». В первой главе введения помещен краткий очерк истории открытия и опубликования известных версий эпоса — Трапезундской (Т), Андросской (А), G-F, Эскуриальской (Е), Оксфордской (О) и прозаической Андросской (А₂), называемой автором по имени обнаружившего ее ученого версией Пасхалиса. Маврогордато останавливается и на русской версии памятника — «Девгениевом деянии». Отметим в этой связи, что ему известен недавно обнаруженный и изданный в СССР так называемый Титовский список «Девгениева деяния»³, оригинал которого отличается большей полнотой сравнительно с Погодинским списком и, как убедительно показала В. Д. Кузьмина, точнее отражает первоначальный текст повести. Весьма ценно, что Маврогордато и в дальнейшем ссылается на этот список

¹ H. Grégoire. 'Ο Διγενής Ακρίτας. New York, 1942, λη, 236 p.

² Основные положения этого введения были вкратце изложены автором в его статье „Some Notes on the Escorial and Russian Versions of Digenis Akritas“. Προσφορά εις Στ. Κυριακίδη (= Έλληνικὸν Παράρτημα, 4), Ἀθήναι, 1953, σελ. 463—468.

³ В. Д. Кузьмина. Новый список „Девгениева деяния“. ТОДРЛ, IX, М.—Л., 1953, стр. 339—360.

в своем введении. 1-я глава заканчивается краткой характеристикой эпоса в целом. Автор отказывается видеть в поэме произведение, написанное по официальному заказу с какой-либо преднамеренной направленностью (XIV). Это положение он удачно, на наш взгляд, развивает ниже в полемике с А. Грегуаром.

Вторая глава введения содержит характеристику отдельных версий поэмы. G-F автор склонен оценивать выше остальных по полноте и ясности изложения и как, «вероятно, наиболее раннюю» (XV). Интересно краткое сопоставление близко стоящих друг к другу А и Т, первая из которых определяется как более поздняя, написанная в романтическом стиле, тогда как в более ранней Т преобладает эпический стиль (XVI). Говоря об Е, Маврогордато выступает против гипотезы С. Кириакидиса о наибольшей древности этой версии⁴ — гипотезы, уже оспаривавшейся Д. Хесселингом⁵. В дополнение к аргументам последнего он показывает, что там, где, по мнению С. Кириакидиса, Е следует более полной традиции сравнительно с Т и G-F, имеет место лишь повторение с незначительными вариациями уже сказанного — прием, вообще характерный для этой версии, носящей явные следы устной передачи и отличающейся «свойствами баллады семнадцатого века, а не героической поэмы одиннадцатого» (XIX). Такое же сглаживание средневековых черт он видит и в О.

А₂, по мнению Маврогордато, очень близка к традиции, представленной А, но мнение это он, к сожалению, ничем не подкрепляет и противоположное суждение издателя А₂ Д. Пасхалиса, считавшего, что версия эта представляет независимую традицию⁶, представляется более аргументированным.

Маврогордато подчеркивает фольклорный характер русской версии, обилие в ней наслоений, явившихся результатом устной передачи, и показывает, что ее оригиналом не мог служить павликианский памфлет конца IX в. (гипотеза А. Грегуара). За это говорит то обстоятельство, что уже в версии, послужившей оригиналом «Девгениева деяния», существовало смещение двух границ — более ранней, современной Василию I, каппадокийской и более поздней границы по Евфрату. Весьма существенно в этой связи указание Маврогордато на то, что в недавно опубликованном Титовском списке «Девгениева деяния» вообще отсутствует эпизод единоборства Дигениса с императором — эпизод, известный лишь из Тихонравовской рукописи, представляющей более позднюю традицию повести⁷. Эпизод с поражением императора, пишет автор, «должно быть добавлен более поздним переписчиком и не является передачей какого-либо раннего греческого оригинала, распространявшегося восставшими павликианами» (XXVI). С точки зрения гипотезы Грегуара, справедливо замечает Маврогордато, невозможно понять, «почему ни русская, ни греческие версии не обнаруживают ни следа сочувственного или враждебного отношения к павликианам» (там же). Таким образом подрывается основная аргументация

⁴ См. Σ. Κυριακίδης. 'Ο Διγενής 'Ακρίτας. 'Αθήναι, 1926, σελ. 20 sqq., 70 sqq.

⁵ D. C. Hesseling. La plus ancienne rédaction du poème épique de Digénis Akritas. Amsterdam, 1927 (Mededeelingen der K. Akademie voor Wetenschappen, Afd. Letterkunde, Deel 63. Serie A. № 1).

⁶ Δ. Πασχάλης. Οι Δέκα λόγοι του Διγενούς 'Ακρίτου, Λαογραφία, IX, 1928, σελ. 312; ср. D. Hesseling. Une nouvelle version du roman de Digénis Akritas. Byz., IV, 1927—1928, p. 171—178.

⁷ ТОДРА, IX, 1953, стр. 346. Следует отметить, что еще до появления в печати публикации В. Д. Кузьминой А. П. Каждан в своей рецензии на упомянутую книгу Грегуара показал на основании сопоставления Тихонравовской и Пыпинской рукописей «Девгениева деяния», что «эпизод столкновения Дигениса с императором вырос из сцены столкновения Дигениса с Филопапой и не является первоначальным» (Изв. АН СССР. Серия истории и философии, т. V, № 2, 1948, стр. 212).

гипотезы Грегуара, уже вызвавшей в свое время возражения Г. Вартемберга⁸.

Несколько страниц введения посвящены песням акритского цикла (τραγούδια). В том виде, в каком они известны нам, т. е. после девяносто лет устной передачи, они, по мнению Маврогордато, не могут рассматриваться как источники эпоса (XXVIII). Действительно, первоначальное состояние песен нам неизвестно, в теперешнем же их виде они не дают ни одного сколько-нибудь сходного с «Дигенисом» эпизода. Все же позиция автора, отказывающегося рассматривать вопрос о связи «Дигениса Акрита» с народной поэзией, не может не вызвать возражений. Известные параллели между τραγούδια и эпосом, как показали уже К. Сафа и Э. Легран⁹, вполне правомерны. Совершенно естественно, что в процессе многовековой устной традиции одни темы исчезли, другие изменились до неузнаваемости в сравнении с их первоначальными вариантами, а тем более с литературной обработкой этих тем. И тем не менее, при всей скудости материала, изучение вопроса о генетической связи византийского эпоса с народной поэзией может, как нам кажется, многое дать для лучшего понимания «Дигениса Акрита»¹⁰. Связь эту признает, по-видимому, и сам Маврогордато, когда он говорит ниже (LXIX) о промежутке времени, который «отделял солдатские песни от сделанной из них (made out of them) эпической поэмы». Он же приводит интересную параллель с английской поэмой The Gest of Robyn Hode, впервые изданной в середине XVI в. Известно, что автор ее использовал баллады, возникшие приблизительно за 100 лет до него, причем ни одна из этих баллад до нас не дошла (XXIX).

Третья глава введения содержит довольно подробный пересказ содержания поэмы с учетом всех известных нам версий. Там, где это содержание дает материал для исторических и литературных сопоставлений, пересказ прерывается краткими экскурсами. Большинство из них не вносит ничего нового, но некоторые представляют несомненный интерес. Таковы, например, соображения автора о «платке Неемана» (XXXIV, XXXV), весьма существенные для датировки первоначальной версии (на этом вопросе автор подробнее останавливается в конце введения). Приводятся замечания об апелатах (XXXVI, XXXVII), об имени царя в различных версиях поэмы (XLI, XLII). Маврогордато делает попытку охарактеризовать неизвестный нам оригинал «Девгениева деяния» (XLII—XLIV). Хотя доводы автора носят в значительной мере гипотетический характер, его точка зрения все же представляется более убедительной, чем соответствующие суждения А. Грегуара, и во всяком случае показывает, что вопрос об этом оригинале, в частности о его датировке, значительно сложнее, чем это кажется последнему. Любопытно сопоставление образа Дигениса греческих версий с героем «Девгениева деяния», в гораздо большей мере наделенным сказочными чертами (LII).

В 4-й главе автор пытается «подвести итог интерпретациям и оценкам поэмы о Дигенисе, выдвигавшимся рядом ученых, начиная с первых издателей Сафы и Леграна и кончая Анри Грегуаром» (LXI). Однако Маврогордато увлекся здесь оценкой или простым изложением отдельных тео-

⁸ H. Grégoire. Notes sur le Digénis Slave. Byz., X, 1935, p. 335 sqq.; G. Wartemberg. Geht der slavische Digenis auf ein alteres Original zurück als die erhaltenen griechischen Epen? Byz., XI, 1936, p. 320—324.

⁹ K. Sathas, E. Legrand. Les exploits de Digénis Akritas. Paris, 1875. Introduction.

¹⁰ Проблеме этой, в частности, уделяет внимание С. ИмPELLИЗЕРИ: S. Impellizzeri. Il Digenis Acritas. L'epopea di Bizanzio. Firenze, 1940, p. 23 sqq, 87 sqq.

рий, и связно и четко суммировать итоги изучения «Дигениса» (что было бы весьма существенно) ему, к сожалению, не удалось. Снова повторяет он свои доводы против павликианской направленности первоначальной версии памятника, хотя и признает справедливым отождествление отдельных героев поэмы с павликианскими деятелями (Хрисохерп — Хрисохир, Кароес — Карбеас). В поэме, говорит Маврогордато, невозможно найти ни малейшего следа павликианской доктрины, если только «не предположить, — иронически замечает он, — что имя Дигениса символизирует манихейский дуализм» (LXIV). Отметим кстати, что введение значительно выиграло бы в композиционном отношении, если бы объединенные общей темой доводы (как хотя бы «антипавликианские») были бы собраны воедино, а не разбросаны по разным местам.

Без достаточных оснований выступает Маврогордато против Н. Политиса, справедливо видевшего в «Дигенисе Акрите» национальную эпическую поэму¹¹. Маврогордато аргументирует при этом смешанным происхождением главного героя, христианским вероисповеданием почти всех его противников и малой степенью религиозного фанатизма в поэме (LXV—LXVI), будто бы размеры последнего определяют национальный характер эпического (да и не только эпического) творчества.

Весьма критически подходит автор к выводам А. Грегуара. Так, с сомнением относится он к произвольному отождествлению Дигениса с турмархом Диогеном, убитым в 788 г.¹² Вообще Маврогордато склонен скептически относиться к попыткам идентификации героев поэмы с историческими личностями. Как он замечает ниже (LXXIX, LXXXII, LXXXIII), автор поэмы, называя своих героев Дуками, Ириной, Евдокией и т. д., вовсе не обязательно имел в виду какие-либо исторические прототипы, а просто использовал широко известные в Византии имена. По мнению Маврогордато, «Дигенис» является поэмой, герой которой выражает «социальные и политические устремления и, должно быть, подобно королю Артуру, Робин Гуду или Петру Пахарю, не был отражением какого-либо определенного прототипа» (LXXII).

Бесполезны, по мнению Маврогордато, и сопоставления отдельных эпизодов нашей поэмы со сценами из сказок тысячи и одной ночи или из латинской поэмы X в. «Вальтариус» с целью доказать факт заимствования. Очевидно, что сходство в описании подобных широко распространенных сюжетов (например, похищение невесты) само по себе еще ни о каком заимствовании не говорит.

Наибольшего внимания в заключительной главе заслуживает попытка Маврогордато пересмотреть датировку составления первоначальной версии поэмы, предложенную А. Грегуаром и до сих пор не встречавшую существенных возражений. Первоначальная редакция поэмы, по мнению последнего¹³, должна была быть составлена после 930 г., т. е. после взятия Мелитены Иоанном Куркуасом, и до 944 г., когда из Эдессы в Константинополь был перенесен «священный отпечаток (лица) Христа» (τὸ τοῦ Χριστοῦ ἄγιον ἔκμαγεῖον) — почитавшийся священной реликвией платок, сохранивший будто бы изображение Христа, который, по преданию, осушил этим платком свое лицо и послал его к царю Эдессы Абгару V. А. Грегуар основывается на отождествлении с этой реликвией «платка Неемана» (τοῦ Νεεμάν ... τὸ μανδύλιον), на местонахождение которого в Эдессе наме-

¹¹ Ν. Πολίτης. Περὶ τοῦ ἐθνικοῦ ἔπους τῶν νεωτέρων Ἑλλήνων. Λαογραφικὰ Σύμμεκτα, I. Ἀθήναι, 1920.

¹² Н. Grégoire. Ὁ Διγενὴς Ἀκρίτας, p. 36 sqq.

¹³ Н. Grégoire. Le tombeau et la date de Digénis Akritas. Byz., VI, 1931, p. 497; Ὁ Διγενὴς Ἀκρίτας, p. 108 sqq.

кает в поэме мать эмира (G-F, III, 150). Маврогордато (XXXIV, XXXV, LXXVIII) считает это отождествление произвольным. По его мнению, прежде всего трудно объяснить, почему Абгар спутан с Нееманом, сирийским военачальником, исцеленным от проказы пророком Елисеем (4-я Книга Царств, 5). В Эдессе, славившейся чудесными исцелениями, вполне могли находиться реликвии, о которых нам ничего не известно. Такой реликвией, в частности, мог быть и платок, которым вытерся Нееман после омовения в Иордане. В этом случае 944 г. как *terminus ante quem* отпадает. Но если и допустить, что упомянутая реликвия относится к Абгару, то остается еще более знаменитая эдесская святыня — письмо Христа к Абгару. Переписчик, по мнению Маврогордато, вполне мог спутать *μαυτῆλι* (платок) с *μαυτῆτο* (письмо). Между тем последнее оставалось в Эдессе не до 944, а до 1031 г., когда город был взят Георгием Маниаком. Таким образом и в этом случае датировка Грегуара оказывается неприемлемой. За XI в., по мнению автора, говорят и другие соображения. И здесь мы встречаем императора Василия — «великого завоевателя» Василия II Болгаробойцу, одного из немногих императоров, который «благодаря продолжительности своего царствования мог действительно дожить до чествования внука, после того как изгнал деда» (LXXXII) (см. G-F, IV, 56, 971 сл.). Здесь же — и Роман, но не Роман I Лакапин, продвижение которого к Евфрату положило начало «новому столетию непрерывных войн», а Роман III Аргир, начавший переговоры с арабами. Полагая, что «Дигенис Акрит» был написан в период сравнительно мирной обстановки на Евфрате, Маврогордато отвергает хронологию Грегуара, считая, что такая передышка была невозможна до побед Никифора II и Василия II. Вместе с тем, по его мнению, должно было пройти некоторое время после смерти Василия II, так как подвиги последнего успели уже обрасти легендой. Исходя из этого, Маврогордато предполагает, что поэма была написана при Константине IX Мономахе (1042—1054), при котором «почти полный мир царил на границе Сирии и Месопотамии» (LXXXIV).

Это предположение, на наш взгляд, недостаточно серьезно аргументировано, чтобы звучать убедительно. Если вообще правильно исходить, как из доказанного, из того, что поэма могла быть написана только в сравнительно мирный период, то все же это не дает достаточных оснований отрицать возможность написания поэмы в X в., на протяжении которого такие периоды, как известно, имели место. Если даже справедливо предположение автора о том, что в G-F, III, 150 речь идет о письме Христа к Абгару (что, кстати, представляется не убедительнее отождествления Грегуара), то поэма, очевидно, должна была быть написана до 1031 г., а это расходится с датировкой, предлагаемой самим Маврогордато. Аргументы же его в пользу Василия II представляются не более вескими, чем те, которые неоднократно и еще в большем количестве приводились в пользу Василия I. Таким образом, в результате попытки Маврогордато дать свою датировку «Дигениса» справедливо подвергнут сомнению *terminus ante quem* Грегуара, и это, пожалуй, наиболее существенный итог его попытки.

Ряд вопросов, встающих при изучении поэмы, не получил во введении достаточного освещения. Разумеется, от очерка подобного типа нельзя требовать подробного рассмотрения всех таких вопросов. Все же некоторым проблемам несомненно следовало уделить большее внимание. Сюда прежде всего относится вопрос о социальных (а не только чисто политических) условиях, породивших «Дигениса Акрита», об идеологической направленности памятника, о феодальных и народных его чертах. Как уже отмечалось, автор проходит мимо проблемы генезиса византийского эпоса,

не дает достаточно полной картины, литературного окружения «Дигениса», ограничиваясь по сути дела лишь приведением отдельных реминисценций. Нет во введении и цельной характеристики художественных особенностей и языка поэмы, хотя бы даже только G-F, положенной в основу издания. Это тем более досадно, что Дж. Маврогордато является крупным специалистом по греческому языку и литературе. Уже отмечались чисто композиционные недостатки введения, приведшие, в частности, к излишним повторениям (напр. XXXIV и LXXVIII). Встречаются и неточности; так, годы жизни Арефы Кесарийского Маврогордато определяет 850—932 (XXVI), между тем, по мнению М. А. Шангина, Арефа родился в 861 г. и умер не раньше 934 г.¹⁴

Вместе с тем в целом следует признать, что охваченный автором круг проблем получил интересное и, насколько это позволили размеры введения, полное освещение. Встречаются любопытные наблюдения и замечания по отдельным частным вопросам [взять хотя бы параллели к политическому стиху из древнегреческой литературы и английских баллад (XXII, прим. 2) или попытку отождествлять со святым Георгием изображение на византийской керамике XII—XIII вв. воина, поражающего дракона (XXIX, прим. 2), — изображение, в котором Грегуар видел Дигениса Акрита]. Благоприятное впечатление вызывает осторожность, с которой оперирует автор имеющимся в его распоряжении материалом, что проявилось, в частности, в его остро критическом подходе к подчас весьма шатким построениям А. Грегуара. Это относится прежде всего к освещению проблемы павликианской тенденции в эпосе и его датировке, хотя аргументацию Маврогордато следует признать более удачной в ее критической части, чем в позитивной.

Основную часть книги (1—251 стр.) занимает перевод G-F, снабженный *en regard* греческим текстом. Текст этот вместе с критическим аппаратом с самыми незначительными поправками воспроизводит публикацию Э. Леграна¹⁵, оба издания которой содержат мелкие погрешности. Отдельные пропуски в IV и VI книгах G-F Маврогордато восполняет с помощью T (1028—1092, 1100—1108, 2632—2672, 2674, 2675) и A (1617, 1619—1643).

Переводчик снабдил текст «Дигениса» историко-филологическим комментарием, явившимся, как и сам перевод, результатом многолетней работы. Комментарий Маврогордато, пожалуй, наиболее полный из всех, делавшихся к «Дигенису», и в своей совокупности является важным подспорьем для всякого изучающего византийский эпос. Автор использует обширный научный аппарат, сугубо осторожен в выводах и наряду с этим стремится осветить (пусть не всегда с одинаковым успехом) все места, внушающие какие-либо затруднения. Интересны объяснения отдельных слов и выражений, допускающих различные толкования. Таковы, например, замечания к словам *ἐπιλαῶ* (р. 11), *ὑπαύχενον* (15, 16), *κόρυα* (32, 33), *εὐγενικόπουλα* (36, 37), *λευκοτρίβλαττον* (58, 59), *καμηλαυκίτζιν* (73), *μοχλόβι* (78—80), *στροινιάζων* (138, 139), *παρὰμυθία* (183), *σύνθημα* (190, 191) и др.

Перевод «Дигениса Акрита», публикуемый в книге, был закончен еще в 1938 г. В своей работе переводчик пользовался советами видных английских византинистов Н. Бейнза, Ф. Маршала и Р. Дженкинса. Перевод сделан по возможности дословно, в связи с чем автор отказался от передачи размера подлинника. Каждой строке английского перевода соответ-

¹⁴ М. А. Шангин. Письма Арефы — новый источник о политических событиях X в. ВВ. 1, 1947; стр. 246 сл.

¹⁵ E. Legrand. Les exploits de Digéniis Akritas. Paris, 1892; 2-ème éd. 1902.

ствуется строка оригинала, что очень облегчает пользование изданием и выгодно отличает его от прозаического перевода С. Импеллицери. Как свидетельствует сам переводчик, он не пытался улучшить греческий оригинал и старался передать неуклюжие греческие выражения неуклюжими английскими. Язык перевода, как правило, свободен от инверсий и поэтических приемов. В то же время, встречаясь в оригинале с различными реминисценциями, переводчик, вполне правомерно, на наш взгляд, попытался соответственно отразить их с помощью Шекспира, Мильтона, английских баллад (VI). Таким образом, перевод отличается не только смысловой точностью, но и в известной степени стилистической.

Такой памятник, как «Дигенис Акрит», содержит ряд темных мест, перевод которых неизбежно гипотетичен. Все такие случаи оговариваются в комментариях со ссылкой на авторитет, которому следует переводчик, и с усиленной аргументацией там, где он дает собственное толкование.

Если принять во внимание слова Маврогордато о том, что перевод его *has been kept as literal as possible* (V), то отдельные места перевода (их сравнительно немного) представляются в той или иной степени неудачными. Так, например, κλεισοῦραν... ἦν Δύσκολον καλοῦσι, I, 90 (ущелье... которое зовут Непроходимым) Маврогордато переводит: *pass which the y¹⁶ call Difficult*. Это they по контексту ассоциируется с братьями похищенной эмиром девушки и сопровождающими их воинами, тогда как καλοῦσι употреблено здесь, по всей видимости, безлично. Ἡ τῶν γονεῶν μᾶς εὐχή, I, 145 переведено *Our parent's prayer*, т. е. «родителя» вместо «родителей». Ἐπειδὴ ὄρκους προυβάλλοντο γαμβρόν να τὸν ἐπάρου, II, 1 переведено иносказательно: *Since they had vowed that he should wed their sister*. Βούλομαι σοι θαρρῆσαι, II, 114 (Хочу тебе доверить) передано совсем неточно: *I would dare to tell* (ср. у С. Импеллицери, p. 132 — *voglio confidarti*). Неточен перевод ἐλυπέτο μὴ χωρισμὸν ὑποστῆ τῆς φιλάτης — *rained at the thought of parting from his dear*. «Не стыдись» (букв.: «не стыдящиеся») — *μὴ αἰδοῦμενοι*, II, 284 Маврогордато передает как «не обращая внимания» — *not heeding* (ср. у С. Импеллицери, p. 135 — *senza vergognarsi*). Πόθος ἀκραίφνης, IV, 567 — «чистая (букв.: несмешанная) страсть» переводится: «*sudden passion*»; ἦν ἐλαβες ἐκ πόθου, IV, 695 — *whom you desired to have*; φαιδρότερος, IV, 936 (более радостный) — *grander*; смягчено в переводе *καταμεμφθῶ ὡς ἄνθρωπος*, VI, 495: *I shall be called unmanly* и т. д.

Одно и то же слово нередко передается разными синонимами (ср., например, *ραβδίν*, I, 148; IV, 130 — *mace, cudgel; μαλακίζω*, I, 164; IV, 25 — *wield, brandish* и т. д.). Это вполне правомерно, хотя коль скоро переводчик ставил себе целью по возможности передать стиль оригинала и не «улучшать» его, ему следовало бы, на наш взгляд, отказаться от этого приема. Значительно досаднее, что выбор таких синонимов не всегда удачен. Так, например, *φαρία* (II, 94; 154; IV, 900; VI, 761; VIII, 108) Маврогордато наряду с *mounts, palfreys* и т. д. передает в одном месте (II, 154) как *beasts*, что грешит уже против смысла оригинала. Переводчик волен был передать *δαμαλῖς* (телка, heifer), употребляемое как ласкательное слово по отношению к женщине, более привычным для нашего слуха «овечка» (*lamb*), но во всяком случае следовало бы остановиться на чем-либо одном и не переводить *to lamb* (III, 290), *to heifer* (IV, 767).

В переводе встречаются пропуски отдельных слов оригинала. Такие случаи отчасти оговариваются в комментариях и Маврогордато сам пишет об этом в предисловии (V), хотя все же остается загадочным,

¹⁶ Здесь и в дальнейшем разрядка наша — А. С.

чем же были вызваны такие пропуски. При этом они отнюдь не всегда оговариваются переводчиком, например, пропуск τὸν ἔχθρον, I, 139; τῶν Σαρακηῶν, I, 155; πολλὰ, IV, 318; προζάντων, IV, 876. Пропустив ὡς κυρίαν в стихе „αἰχμάλωτὸν σε ἤρπαξα, ἐτίμου ὡς κυρίαν“, II, 188 (я пленницей тебя похитил, а почитал словно госпожу), Маврогордато перевел: I took you captive yet I honoured you, чем весьма «ухудшил» стиль оригинала, совершенно уничтожив его образность. Пропущен в переводе Σαμψών, II, 200, и хотя комментарий дает соответствующую оговорку, пропуск этой интересной библейской реминисценции никак нельзя оправдать.

Обширный аппарат, приведенный Маврогордато, а главное — параллельный греческий текст в известной мере компенсируют отмеченные недостатки, которые не могут поколебать высокой оценки большого труда переводчика. Рецензируемый перевод нисколько не уступает, а по богатству сопровождающего его комментария даже превосходит известные нам переводы «Дигениса Акрита»¹⁷.

В конце книги помещены приложения. В начале — генеалогия Дигениса (254), составленная на материале всех версий памятника. «Ключ к генеалогической таблице» (255) дает все соответствующие места в текстах и разночтения собственных имен. Затем идет сводная таблица содержания памятника (258, 259), сопоставляющая содержание дошедших до нас версий (сюда же для сравнения привлечены 3 эпизода из песен акритского цикла). Таблица составлена так, что дает возможность проследить наличие всех существенных эпизодов поэмы в той или иной версии и найти их по приведенным номерам соответствующих стихов. В нескольких случаях указаны наиболее существенные варианты одного эпизода. Так же как и генеалогия Дигениса, таблица эта составлена весьма наглядно и несомненно явится хорошим подспорьем для занимающегося настоящим вопросом. Третье приложение — библиография (261—264), к сожалению, далеко не полная (автор, впрочем, и не задавался такой целью). Четвертое — перечень основных реминисценций (в G-F, T, A и O) из Ахилла Татия, Гелиодора и Мелитениота (265, 266). Параллели с Мелитениотом дают возможность сделать интересное наблюдение — почти каждая из них встречается одновременно в трех версиях памятника (G-F, T, A).

За приложениями следует индекс греческих слов (по изданию Э. Леграна) и индекс к введению.

В целом, несмотря на ряд недостатков, в известной мере неизбежных в книге, посвященной такому памятнику, как «Дигенис Акрит», большой труд Дж. Маврогордато интересен не только для специалиста, но и для каждого интересующегося византийской культурой.

А. Я. Сыркин

¹⁷ См. переводы T: C. Sathas, E. Legrand. Les exploits de Digénis Akritas. Paris, 1875 (на франц. яз.); Byzantské epos Basilios Digenis Akritas. Pŕel. K. Muller, v Praze, 1938 (на чешск. яз.); G—F: Det bysantska eposet om basileios Digenis Akritas. Oversättning iámte inledning av. S. Lindstam. Göteborg, 1940 (Göteborgs Kungl. vetenkaps-och vitterhets samhälls handlingar. Femte följden. Ser. A, Bd. 7, № 1) (на швед. яз.) и уже упоминавшийся итальянский перевод С. Импеллицери (Firenze, 1940).